

—...

Да уж, не прошло и получаса, как Сэ Чанмин успел растолковать Маленькой птице Чанмину, что такое лицемерие, обман, коварство и привычка брать свои слова обратно.

Шэн Лююй, пусть еще и не освоил эти пороки до конца, уже перестал быть той наивной пташкой, которой казался прежде.

Сэ Чанмин понимал: хорошего в этом мало. Он ведь совсем не этого добивался.

Детенышу полагается оставаться детенышем — наивным, горделивым, не знающим забот. И в том, что он ленится или не желает ни с кем общаться, нет никакого греха. Не стоило так рано втягивать его в грязь и опасности человеческого мира.

Для Птицы Чанмина, чья жизнь тянется веками, детство — лишь мимолетный миг.

Когда Сэ Чанмин бессовестно дурачил птенца, его не мучила совесть, но теперь он малопомалу начал осознавать тяжесть своего проступка.

— Разве ты сам не твердил, что я несносный зануда? — спросил Сэ Чанмин. — Вот и не бери с меня пример.

Шэн Лююй лишь фыркнул в ответ, то ли соглашаясь с его словами, то ли из чистого упрямства.

Когда они добрались до вершины Пика Зеленого Пришествия, пред ними предстал Двор Разреженного Ветра, у которого даже глубокой ночью пышно цвели дикие розы. Шэн Лююй нарочно велел высадить их здесь, желая ясно дать понять каждому: незванным гостям в этой обители не рады.

Они миновали колючие заросли, и Сэ Чанмин толкнул входную дверь. Створка оказалась не заперта, а на пороге уже кто-то стоял. Этот юноша выглядел в точности как Шэн Лююй, но держался на удивление кротко. Он приподнял лицо, забавно склонил голову набок и чуть сморщил нос, пытаясь по запаху понять, кто к нему пришел.

Это был А-Цзю.

Почувствовав, что они остановились, Шэн Лююй легонько потянул Сэ Чанмина за рукав:

— Мы пришли?

— Да, — отозвался Сэ Чанмин. — Твой двойник ждет тебя у дверей.

Шэн Лююй тут же выпустил его рукав и неловко протянул руки вперед — должно быть, собираясь толкнуть А-Цзю обратно в дом, но из-за своей слепоты лишь воздух хватал.

А-Цзю тем временем запинаясь пробормотал:

— О... оре... орешки. Хочу орешков.

На этот раз Сэ Чанмин расслышал и понял его слова.

«Так вот почему в прошлый раз он был столь послушным, — догадался он. — Просто учуял запах кедровых орешков».

Сэ Чанмин едва сдержал смех. Неужели А-Цзю принял Неподвижное дерево за гигантский орех, когда забирал его? Если так, то великое счастье, что этот артефакт вернулся к нему не покрытым слоем слюней.

— Он просит у меня орешков, — ответил Сэ Чанмин.

А-Цзю не слышал этой безобидной напраслины и уж точно позабыл строгие наказания своего хозяина. Он всё так же неотрывно, с сиротливой мольбой во взгляде смотрел на Сэ Чанмина.

В свободное время, когда нечем было заняться, Сэ Чанмин успел начистить целую гору кедровых орешков. Поскольку кормить ими было некого, они так и лежали бесполезным грузом в холщовом мешочке. Сяо Тумао ревностно оберегал свою еду и терпеть не мог делиться, так что отдавать его законное лакомство другому было со стороны Сэ Чанмина чистой воды предательством. Однако, чувствуя вину за недавний обман, он всё же достал мешочек с орехами и протянул его А-Цзю — в качестве безмолвного извинения.

Почуяв тонкий аромат кедра, Шэн Лююй сразу обо всем догадался и ни за что не пожелал с этим мириться. Забыв о зажатых в ладони духовных камнях связи, он порывисто шагнул вперед, преграждая путь, и крепко вцепился в запястье Сэ Чанмина:

— Не смей отдавать их ему!

Юноша сердито повернул лицо к Сэ Чанмину. Глаза его оставались плотно закрыты под повязкой, но упрек, сквозивший в каждом движении, казался почти осязаемым — точно Сэ Чанмин совершал страшное святотатство, которое следовало немедленно предотвратить.

Сэ Чанмин посмотрел на тонкие, бледные пальцы Маленькой птицы Чанмина, судорожно сжимавшие его руку. Малыш отчаянно пытался оттолкнуть его, но его хлипкие силы были ничтожны против его собственных. Тщетные попытки добиться невозможного... В такие мгновения всё, на что он мог полагаться, — это чужая снисходительность. Это слишком походило на то, как балованное дитя выпрашивает ласку.

Сэ Чанмин нахмурился и, повинуюсь какому-то невольному порыву, тихо произнес:

— Хватит капризничать.

Они стояли совсем рядом, но Сэ Чанмин не шептал ему на ухо, и до Шэн Лююя долетел лишь неясный шелест голоса:

— Что ты сказал?

К счастью, тот ничего не разобрал. Иначе с его несносным характером он вполне мог разорвать их договор, заключенный едва ли полчаса назад.

Сэ Чанмин невозмутимо подобрал оброненные духовные камни, вложил их в ладонь Шэн Лююя и ровным голосом ответил:

— Ничего особенного. Лишь заметил, что лакомиться орешками — естественная потребность любой птицы.

И это относилось как к А-Цзю, так и к самому Шэн Лююю. В конце концов, они были единым созданием.

Шэн Лююй едва не затопал ногами от досады.

А-Цзю тем временем, подчиняясь птичьей природе, уже вовсю уплетал лакомство. Поняв, что спорить бесполезно, Шэн Лююй обреченно опустил руки.

— Ступай отдыхать, — с улыбкой произнес Сэ Чанмин. — И сам попробуй, они очень вкусные.

— Я не стану принимать подачки! — гордо отрезал Шэн Лююй.

— Ну зачем так категорично, — отозвался Сэ Чанмин.

Он смотрел, как юноша разворачивается, собираясь спуститься по ступеням, и напоследок не удержался от вопроса:

— Постой. А почему ты зовешь его А-Цзю?

Шэн Лююй почувствовал, как завибрировал зажатый в руке духовный камень. Он поднес его к самому уху и услышал повторенный вопрос. Должно быть, его никто никогда об этом не спрашивал. Юноша ненадолго замер, и когда Сэ Чанмин уже решил, что ответа не дождется, в камне связи раздался тихий голос:

— Потому что он сотворен из моего девятого хвостового пера.

Взяв А-Цзю за руку, Шэн Лююй переступил порог и вошел в дом. Не став повязывать Облачную

дымку, он по памяти нащупал дорогу к углу комнаты и зажег стоявшую там свечу. Крохотный огонек затрепетал в полумраке. Шэн Лююй потянулся к подсвечнику, намереваясь переставить его на стол, но пальцы соскользнули, задев открытое пламя.

Кожу болезненно обожгло, и Шэн Лююй резко отдернул руку.

Слабость и неспособность управиться даже с такой мелочью лишили его последних крох хорошего настроения. Расстроенный, он добрал до стола, подпер подбородок ладонью и, хмуро наблюдая за непрерывно жующим А-Цзю, холодно спросил:

— Неужели орехи от этого негодяя настолько вкусные?

А-Цзю, совершенно не замечая чужой досады, согласно закивал и — в самый неподходящий момент — ловко засунул один орешек прямо в приоткрытые губы Шэн Лююя. Тот даже опомниться не успел, как проглотил ненавистную подачку.

ТЬФУ!

Шэн Лююй поначалу хотел немедленно выплюнуть орех, но зубы случайно раскусили скорлупку, и по рту мгновенно заструился насыщенный хвойный аромат. Он растерялся, замер на мгновение и, сам того не желая, разжевал ядрышко, а затем сглотнул.

«А ведь действительно вкусно. Пожалуй, этот несносный тип в одном был прав: лакомиться орешками для птицы — дело совершенно естественное».

Стоило этой мысли утвердиться в его голове, как всякая неловкость улетучилась, уступив место привычному высокомерию. Он решительно протянул руку и бесцеремонно отобрал у двойника большую часть мешочка.

Обиде А-Цзю не было предела.

Теперь, когда посторонние ушли, А-Цзю наконец распахнул глаза и уставился на Шэн Лююя с немим укором. Его зрачки были беспросветно-черными, словно самая глухая полночь. В них не теплилось ни искорки света — они были полностью поглощены зловещей демонической энергией.

А-Цзю был всего лишь тенью, сотворенной Шэн Лююем, а некоторые сокровища невозможно воссоздать в жальной иллюзии. Ни Облачную дымку, ни истинные глаза хозяина.

Почувствовав на себе этот тяжелый взгляд, Шэн Лююй тоже разомкнул веки и посмотрел на свое отражение.

В полумраке вспыхнули его собственные глаза — великолепные, сияющие теплым золотом,

подобные полуденному солнцу, чье величественное пламя не способна была угасить даже самая беспросветная тьма демонического мира.

<http://bllate.org/book/18249/1750599>